

Владимир ХОХЛЕВ

О ЛЮБВИ И РОССИИ

ПРОГУЛКА

Снежинки перешептывались робко,
наст мило и застенчиво скрипел.
Едва заметная, извилистая тропка
нас уводила от привычных дел.

Безмолвно переглядывались ели,
подняв пушистые воротники.
На пнях и кочках в тишине сидели
нерукотворные снеговики.

Сквозь ветки сосен пробивалось солнце,
играя светом на стволах берез.
В гармонии графических пропорций
на льду узоры рисовал мороз.

Над озером с остатками тумана
играли радостно лесные воробьи.
Мы без заранее намеченного плана
по снегу шли... и верили любви.

И отдавались найденному счастью,
и ждали скорой, ветреной весны...
И вспыхнувшей в сердцах веселой страстью,
казалось, были тайно смущены.

ОН НИКОГДА РОССИИ НЕ ИЗМЕНИТ

Я не любитель громких восхвалений
имён нежданных и чужих побед.
В России есть один Великий гений.
Он знает всех... И бережёт от бед.

Ему хвалу достойно петь люблюю,
слагать стихи, писать портреты в рост.
К Нему дорогу выложив прямую,
мы над веками перекинем мост.

К Нему мы припадаем добрым духом,
с Ним обо всем неслышно говорим.
Его слова улавливая слухом,
мы жизни радуемся, плачем и скорбим.

Он никогда России не изменит,
от преданных не отвернет лица.
Он в каждого без колебаний верит
и вдохновляет верою сердца.

Родившийся под благодатным небом,
жизнь человечью Он постиг сполна.
Он стал насущным, ежедневным хлебом...
Его любви не упадёт волна.

Ты не хотела уезжать.
Я не хотел, чтоб уезжала.
Невидимо нас окружала
Любви осенней Благодать.

Летели листья на траву,
веселый дождик с неба лил.
Я, восхищаясь, разбудил
глаз восхищенных синеву.

В прохладе вечера начала
смотрели долго друг на друга...
Звонила давняя подруга –
ты на звонок не отвечала.

Под сенью парковых аллей
дрожали в лужах небеса.
Сливались наши голоса
и становились всё сильней.

И не существовало силы,
способной нас разъединить.
Судьбы связующая нить
была крепка... Сердца щемило

от чувств, переполнявших их.
Нас деликатно обходили
прохожие... Мы находили
созвучья рифм... Рождался стих!

Нас вдохновлял весь белый свет,
весною осень расцветала.
Любовь уверенно верстала
роман из многих глав... и лет.

ВИЗИТ

Когда погасли свечи в тихом храме,
и запах ладана рассеялся во мгле,
Он, прошагав по припорошенной земле –
и руку приложив к оконной раме –

в храм заглянул... Затем в него вошел.
Без всякой цели тронул аналой...
Хозяином пришел к себе домой,
чтоб убедиться, все ли хорошо.

Пройдя в алтарь сквозь царские врата,
Он рассмотрел престол, коснулся сени...
Предметы, не отбрасывали тени
под светом, исходящим от Христа.

Вглядевшись в золотой иконостас –
сойдя с амвона, как обычный человек –
Он слышал за спиною шумный век,
который сам себя пока не спас.

На паперти Он вновь незримым стал.
Залаяла собака на луну...
Мир ждал веселую, беспечную весну
и о кресте не часто вспоминал.

ЛЮБОВЬ

Нас учили любви
педагоги, родители, фильмы...
Мы учились любви
у друзей... романтических подруг.
Мы искали любовь,
раздвигая запретные ширмы.
Находили любовь
во дворцах и проемах лачуг.

Мы узнали о том,
как подвижно сердечное пламя.
Как умы, возлюбившие,
могут от радости млеть.
Мы привыкли к тому,
что любовь – это главное знамя.
Что любя лишь возможно
высокое чувство воспеть...

К нам любовь приходила
совсем не по зову – без спроса.
Нас водила любовь
по бескрайним просторам мечты.
Мы с любовью шептались,
дешевой дымя папирсой.
С нею на брудершафт
пили Вермут... и были «на ты».

Мы в глубоких ущельях
хранили любви откровенья.
На высоких березах
вязали желанья сердец.
С ней играя порой,
жили взлетами, знали паденья...
Нам любовь говорила:
терпите... еще не конец.

Мы по запаху счастья
любимых всегда находили...
И дарили цветы...
и сплетали любимым стихи.
Мы под сводами мира
в обнимку, смеясь проходили,
чтоб ночами не спать –
голосили не нам петухи.

Долгожданные письма
мы солнечным днем получали.
И в волнующих мыслях
искали спасения свет.
Мы романы с великой надеждой
писать начинали.
Так любили без устали
сотни и тысячи лет.

Нас любовь приводила
к безумию и безрассудству.
Мы дышали любовью
и горы ворочать могли.
Мы торили пути,
непрямые дороги искусства.
Научились гореть,
расщепляя сердца на угли.

Мы теперь маяки
путеводные – светим все ярче.
Вдохновляем людей
на бесстрашие... в Вечность зовем.
Ты люби меня, милая,
трепетно... жарче и жарче.
Как и я тебя... Крепко.
Мы всё переждем вдвоем.

МОРСКОЙ ПАРАД

Шеренга за шеренгой... Моряки
вызванивают шаг по мостовой.
Ласкают светом небо маяки,
и марш плывет над гордою Невой.

И многократное военное «Ур-раа!»
рвет воздух... Вторят эхом небеса.
И горожане, ждущие с утра,
в приветствиях срывают голоса.

В торжественном, кильватерном строю
под Благовещенским проходят корабли...
Непобедимую и дружную семью
встречают берега родной земли.

Андреевский трепещет на ветру...
Российский гимн... распахнуты сердца.
Честь флота основателю – Петру,
Равнение – на правду... До конца!

Кронштадтский рейд... корветы, крейсера...
Волна и солнце... Сине-белый гюйс.
Кричит пацан из нашего двора:
– Я ничего не свете не боюсь!

Я люблю, когда ты спишь.
Изредка дрожат ресницы,
что-то радостное снится,
тихо с кем-то говоришь...

Солнце сдержанным теплом
ластится к твоей подушке.
Голос ветреной кукушки
будит время за окном.

Руки сонной тишиной
разложила по кровати,
словно бы в свои объятия
закрываешь наш покой.

Вьется прядь ржанных волос
вдоль виска... горит румянец
на щеках... задорный танец
бликов твой щекочет нос.

РОССИЯ

На границе вороньё клокочет...
сеет ложь, пустые семена.
Злится Запад... и Россию хочет
«обнулить» – но держится страна!

Страх нет ни в стариках, ни в детях...
Женщины любят весну.
И сильнее всех мужчин на свете
воины России... Над страной

реют – под ветрами – триколоры.
Множество георгиевских лент.
Вольно дышат родины просторы,
помнящие тысячи побед.

Оккупанты брали города,
издевались, грабили и жгли.
Русские богатыри всегда
нечисть гнали из родной земли.

Бой за правду, за свободу веры
мы ведем уже который год.
Широко открыты наши двери
всем, кто с добрым миром к нам идет.

В нынешнем, кипящем гневом веке,
в натиске бессовестных элит,
зреют в добром русском человеке
мысли о прощении обид.

Как бы ни глумились над Россией,
сколько новых санкций не ввели бы...
С нами Бог! Воинственный Мессия!
С Ним страна, как каменная глыба.

С Ним – любовь и высшие начала –
сила, милосердие и свет.
С Ним себя Россия отстояла.
Отстоит.
Сомнений в этом нет.

РЕШИМОСТЬ

С давним расстанусь другом, который тебя обидел.
Закрою успешный бизнес, мешающий рядом быть.
Во сне я тебя сегодня со мною счастливой видел...
По озеру плыли в лодке – нам вместе по жизни плыть.

Задую случайные блики и равнодушные звезды.
Замкну тишиной звуки, далекий собачий лай.
Тебя обниму крепко... Сердечной тоски аккорды
твое восхитят сердце... Ты слушай и засыпай.

Я остановил землю, луну развернул взглядом,
расчистил пространство неба для танца в музыке сфер.
Во сне я тебя сегодня со мною увидел рядом...
И мир решил перестроить под наш – только наш – размер.

Я не очень богат, и – ты знаешь – не очень беден,
не посещаю церковь... не заказываю обеден.
Давненько уже не бывал за колючей границей,
стал забывать своих старых знакомых лица...

Не пью Мартини, не хожу по ночным клубам,
совсем недавно расстался с очередным зубом.
Не знаю правил и норм дипломатии и этикета,
могу сконфузить кого-нибудь во время банкета.

Было время – бегал трусцой, сейчас не бегаю,
предпочитаю дружить дома с теплою ногою.
Просиживаю в Интернете с утра до вечера,
словно бы делать уже действительно нечего.

Пишу иногда стихи. Нужны ли они кому-то?
Может, и нужны... в самые отчаянные минуты.
Хожу в магазин за картошкой и молоком,
часто трясусь в электричке со станковым рюкзаком.

В жизни как будто бы все в полном порядке...
Наставляю сына, проверяю его тетрадки,
мою полы, готовлю под шубой селедку,
могу – под шумок застолья – смешать пиво и водку.

Когда скучно, заслоняюсь от скуки работой,
живу одним днем, озадачен его заботой.
Мечтаю – такое бывает – о дико красивой жизни
в Италии, или в Швейцарии – вдалеке от отчизны.

И главное! Без тебя не вижу смысла существования.
Жду твоего взгляда, нежности... твоего внимания.
Теку к тебе мыслью, чувств сердечных рекой...
Садись же в свою лодку, плыви ко мне, беспокой...

Бери меня силой, волей... свивай из меня нити,
будоражь мой просторный ум миражами наитий.
Иди по мне – по живому мосту – к звездам...
Пока я еще есть... здесь... И пока не поздно.

ДВОРНИК

С радостью карманника-пройдохи
счастья жизни собирая крохи,
я сметаю мусор с мостовой.

Памятью высвечивая строчки,
ставлю в них пропущенные точки
и смеюсь тихонько над собой.

Снова я упряма и неприкаяна,
прочно с мостовой жизни спаяна,
дней веду неукротимый счёт.

Ноги топчут старые афиши,
солнца луч высвечивает ниши,
облаками музыка течёт.

Открывая вечности начала,
жизнь мне о бессмертии кричала...
Я не слышал... Вдруг поверил ей.

Как упруги водяные токи,
как верны назначенные сроки.
Вновь скрипит космическая дверь.

Я всего лишь дворник, на подряде...
Петербург в классическом наряде
празднует бессмертья торжество.

Всматриваюсь в город днём и ночью,
что ему сегодня напроорочу?
Дождь... Ветра... Мороза волшебство...

С радостью карманника-пройдохи
счастья жизни собирая крохи,
я сметаю мусор с мостовой.

Памятью высвечивая строчки,
ставлю в них пропущенные точки
и смеюсь тихонько над собой.

* * *

Закатный час. Природа на замке.
Над горизонтом – золотистый блик.
Утих прибой, уснули на песке
следы людей. Балтийский ветер сник.

Не держит ноту соловьиный хор,
мир замирает... В сонной тишине,
молчанию небес наперекор,
ты говоришь о самом главном мне.

На этой крыше, как на корабле,
мы уплывём в заветную мечту,
представив отдыхающей земле
невиданного чувства красоту.

Взлетев у горизонта в облака,
мы белой парой в круге, над водой
мелькнём – от счастья пьяные слегка –
и растворимся в дымке золотой.

Подъёмной силой крыльев и сердец
преодолев земное притяжение,
мы Вечности услышим наконец
призывное, восторженное пение.

И разогнавшись на космическом пути
до нереальных ста восьмидесяти трёх,
мы к солнцу – не ушедшему – взлетим,
устроив звёздный спор-переполох.

Как верноподданные солнечной земли,
сойдём с невероятной высоты...
Рассветный час. В сиреневой дали
шумит весна...
Ей подпеваешь ты!

МОРОЗНЫМ УТРОМ

Я люблю по утрам выходить на мороз
в белый мир, ослепительный,
чистый до слёз,
под застывшую крону
прозрачных небес,
в ледяной и искрящийся лес.

Солнце бьёт с одного горизонта
в другой,
проникая лучами
в торжественный строй
сосен северных с золотом в белом,
припорошенных утренним снегом.

Я иду целиною, дорожку торю,
о насущном сегодня с собой говорю.
На плечо серебристая сыплет мука.
Крестит мир чистым знаменьем
Божья рука.

О. М.

Когда встречаются Вселенные... И происходит их слияние...
И образуется единое пространство жизни для двоих...
Влюбленные не знают времени, их не волнуют расстояния,
которые – по старым правилам – разъединить готовы вмиг.

Когда приходит понимание, что прежний мир уже не сложится,
и не захватят души прежние, совсем не стойкие мечты...
Влюбленные живут по-новому, их радость бесконечно множится,
и счастье выражают сложные слова простые «я и ты».

Когда никто не знает способа предотвратить соединение...
и люди смотрят с восхищением на двух восторженных людей...
Весь мир волнуется Вселенными... И радуется за спасение
любви – как будто бы утерянной – первичной сути всех затей.

ГЕРОЙ

Он вышел на задание по приказу,
и не струхнул в тылу врага ни разу.
Его встречали раненые горы,
в горах – бесчисленные вражьи своры.
Он смерти твердо говорил: жить буду!
Всё потому, что верил жизни чуду.

Его ждала красивая невеста...
Он был как будто из другого теста.
Он мог убить врага – не человека,
под дикий рёв воинственного века.
Он шел и улыбался небу, звездам...
Он вышел рано, чтоб вернуться поздно.

Он исполнял военную работу...
Умел дружить, любил родную роту...
Наткнувшись на вечернюю засаду
он принял бой... Прижав щеку к прикладу,
он ненависти обуздал стихию,
и сам погиб за родину – Россию.

Он в небесах растаять не спешил,
и словно бы с друзьями водку пил.
Когда взревел мотором самолет,
заплакал от отчаянья пилот...
Он плыл над миром в цинковом гробу
и не роптал на странную судьбу.

На родине его в земле зарыли,
и на поминках тоже водку пили...
Им не рожденные, талантливые дети
смеялись громче всех на белом свете.
А он любил людей, весь белый свет...
Жизнь кажется безбрежной в двадцать лет.

НА ГРАНИЦЕ НЕБА

Когда ты утром обернёшься в облака,
укроешься от пылевых дождей,
пусть моя верная и тёплая рука
твою ладонь согреет, слившись с ней.

Когда ты станешь между звёздами бродить,
и ветром солнечным восторженно дышать,
ночь задремавшую не захочу будить
и не смогу тебе ничем иным мешать...

Когда мы выпьем молоко луны,
оставив в чашке грустные глазницы,
перескажу тебе космические сны.
И упрошу пред нами небо расступиться.

НЕЖНЫЙ СНЕГ

Нежный снег ласкает город –
крыши, стены, тротуары.
Белой ниточкой на провод
липнет и щекочет фары.

Пляшет у столбов фонарных,
в окна весело смеётся,
на скамейках у парадных
отдохнув, позёмкой вьется.

Снег стремится лечь на плечи,
белым выкрасить ботинки.
Люди радуются встрече –
ловят хрупкие снежинки.

Нужно снегу, чтоб под пухом
мир заснул и тихо спал,
чтоб над каждым детским ухом
Ангел сказку рассказал.

Нежный снег ласкает город,
любит добрых – добрый сам.
А недобрым сыплет в ворот,
бьет по щекам и ушам.

ТИШИНА СОСЕН

Люблю в тишине сосен писать стихи.
Когда не лают собаки, не кричат петухи,
когда я четко слышу
каждый!
продиктованный слог,
когда из каждой притихшей сосны
молчит Бог.

Тишина неба, воздуха, света.
В тишине – сердце размеренно бьется где-то,
грудь неслышно вдыхает морозный воздух.
В маленьком небе тихо искрят звезды.

Слова сплетаются в стройные предложения,
текут душою, требуют к себе уважения,
на бумагу ложатся, как снег белую.
Кажется, я – в тишине сосен –
главное!
делаю.

ПОД ДОЖДЕМ

Идет дождь... идет уже целые сутки.
Идет человек с поднятым воротником.
В доме, за окнами – музыка, крики и шутки.
Мокрый котенок дрогнет под козырьком.

Белая молния – треснуло черное небо.
В похожих трещинах асфальтовая скорлупа
мокрой земли. Светятся фары слепо
в струях дождя. Ночь на слова скупа.

Идет человек, промокли его ноги,
руки в карманах, шляпа на голове.
Идет человек под дождем, по безлюдной дороге...
Никак не сойдутся рифмы в задуманной им строфе.

ТЕПЛЫЙ ХОЛСТ

Ты будешь долго над палитрой вдыхать огонь пахучих красок,
и станешь медленно рукою пшеничный локон отводить.
И на холсте запечатлеешь горячий день... от зноя ласок,
и ничего о жарком лете не нужно будет говорить.

Ты подберешь к картине раму, не отягченную левкасом,
и гвоздь вобьешь в том самом месте, где ей положено висеть.
Свет из окна, забыв о внешнем, холст оживит вечерним часом,
и заиграют блики неба, и краски станут солнцем петь.

Истает лето незаметно, осядет сонно пыль на стенах,
придут осенние туманы и серебристые дожди.
В январский день, дрожа с мороза и ощущая холод в венах,
согреешь из холста лучами ладони чуткие свои.

И я с тобою отогреюсь, и обовью тебя руками,
мы будем вместе, как в июле, дышать искусством и теплом.
Вагонка стен, светясь от счастья, сверкнёт смолистыми сучками,
и в тихом танце нас окружит недавно выстроенный дом.

ХРИСТОС У ХРАМА

Вчера я был до дрожи потрясен,
как будто бы увидел странный сон.
Шел вверх по улице, среди реклам...
Вдруг замер... у открытой двери в храм.

Христос сидел на паперти у Храма.
Невидимый, неслышимый... Один.
Визжала за оградой пилорама,
под купою краснеющих рябин.

Сновали суетливые трудяги,
на колокольне строили леса.
Церковные под ветром бились стяги,
и радовались стройке небеса.

Христос сидел, измученный, голодный.
Как после боя. Раненый копьем.
В истерике метался клан вороний,
все этим черным птицам нипочем.

Святыню восстанавливали люди,
разрушенную красной саранчой.
На бронзовом небесном блюде
сверкал восток негаснущей свечой.

Христос устал, Он был уже не молод.
Он спать хотел, но было не до сна.
Сквозь человечесий, равнодушный холод
светила в души Вечная весна.

ВЕЧЕРНИЙ РОГ

Когда над миром протрубит вечерний рог,
и люд уставший, отложив свои заботы,
спешит к метро, летит домой с работы,
за миром зорко наблюдает Бог.

Он видит все! Умы людей насквозь
просвечивает, на престоле сидя,
прозрачную водой просачиваясь сквозь
ткань душ... Его никто не видит.

Он знает чистые сердца, готовые принять
Его всё побеждающие светы,
Подвижников, способных исполнять
без ропота библейские заветы.

Таких Он бережет от неудач,
на «узкий путь» выводит постепенно.
Таковыми круг решается задач
глобальных... Эволюции Вселенной.

Когда утихнет звон вечерних блюд
и сон охватит тёмные кварталы,
мастеровитый, просвещённый люд
пройдет через священные порталы.

И заработают искусные станки,
закрутятся бесскрипные колеса.
И под бодрящие сигнальные звонки
раскуются поэтом папираса.

Разбуженные медные шмели
расставят звезды по небесной ткани,
чтоб освещались в мастерских земли
дела ночные до рассветной рани...

Когда призывы утреннего рога
разбудят снова помыслы дневные,
и выйдут дворники на мостовые,
мир обновлённый будет славить Бога.

ВЕСНА

Зима прошла, закончились метели,
Санкт-Петербург встряхнулся после сна.
И дни – как заводные – полетели...
Всех разбудила дерзкая весна.

Я встретил март веселым и счастливым.
Мы вместе улыбнулись февралю...
Твои глаза шепнули слово «милый».
И я сказал – забытое – «люблю».

Заждался щебета пустой скворечник.
Весна смеется – ей ли горевать?
Гуляет крышами космическая Вечность
И, кажется, нас пробует понять.

Гулять, бродить... вдвоем, как раньше – в детстве.
Рука в руке, душа в душе... Весна,
не просчитав ни рисков, ни последствий
связует двух в одно... Любовь сильна!

Нас встретил март сияющий, счастливый.
Мы вместе улыбнулись февралю...
Твои глаза шепнули слово «милый».
И я сказал – забытое – «люблю».

Сквозь ткани мира проступает Вечность,
но не понять Её умом, не рассмотреть.
Нам ближе категория «конечность»...
Любовь лишь Вечностью способна овладеть.

Но чтобы полюбить нужна решимость.
Любить способен сильный человек.
Собою жертвовать, даря кому-то милость
не всякий рад – в практичный, жесткий век.

У нас с тобой нечаянно случилось
большое чувство... стройная любовь.
Мне новое – благодаря тебе – открылось
о Вечной жизни знание... Я вновь

воспринял сердцем силу Воскресения.
Не верю в смерть – её не может быть!
Я пью шампанское под птиц весенних пение.
Люблю тебя!

Мы будем Вечно жить!